

**Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г.:
«Как вы будете экономику проводить, когда 70 % в сыпняке?»**

Н. А. Миронова

В 1919 году в Ярославле разразилась эпидемия сыпного тифа. Среди причин – приток в город беженцев, сокращение городского жилищного фонда на треть после событий июля 1918 года, неудовлетворительное санитарно-эпидемическое состояние городской больницы и города в целом. Главными очагами тифа были Коровницкая тюрьма, Сиротский приют на Екатерининской улице и психиатрическая больница. В статье приводится динамика распространения болезни и статистика смертности.

Ключевые слова: Ярославль, врачи, эпидемия, сыпной тиф, больница, медицина, дезинфекция, повседневность, беженцы, 1918.

Typhus Epidemic in Yaroslavl in 1919: “How Will You Make the Economy When 70 % in Typhus?”

N. A. Mironova

In 1919 in Yaroslavl typhus epidemic burst. Among the reasons there is an inflow of refugees to the city, reduction of city house stock after the events in July of 1918, unsatisfactory sanitary-epidemic conditions of the city hospital and the city in general. Korovnitska prison, the Orphanage in Ekaterinenskaya street and psychiatric hospital were the main centres of the typhus. In the article the dynamics of disease spread and statistics of death rate are presented.

Key words: Yaroslavl, doctors, epidemic, typhus, hospital, medicine, disinfection, daily occurrence, refugees, 1918.

Слова В. И. Ленина, произнесенные на IX съезде РКП(б) 29 марта 1920 г., отражают ужасное санитарно-эпидемическое состояние Советской России. Заразные болезни не обошли стороной и Ярославль. 1918 и 1919 годы были крайне тяжелыми для ярославских медицинских работников. После июльских событий в Ярославле началась эпидемия холеры, которая закончилась только к ноябрю. Холодной и голодной зимой 1918–1918 гг. ситуация обострилась. В 1919 году самым распространенным заболеванием становится сыпной тиф, называемый в народе «вшивым», «тюремным», «голодным». Ярославские врачи готовились к эпидемии тифа с конца 1918 года, лишь только в губернии была остановлена холера.

Им удавалось держать эпидемическую ситуацию под контролем до 1918 года. Даже в годы Мировой войны, видимо, благодаря значительной удаленности Ярославля от Петрограда и Москвы, столичные вспышки «сыпняка» миновали город. Например, в течение 1915 года было зафиксировано лишь несколько случаев тифа (это единичные заболевания осенью). В 1916 году в медицинских отчетах указывалось уже 24 случая. В 1917 году, видимо из-за количества беженцев, случаи заболеваний сыпным и возвратным тифом резко участились, врачи фиксировали 15–25 случаев ежемесячно. Самым тяжелым месяцем 1917 года был декабрь, принесший около 100 случаев заражения [1. Л. 14 об].

В 1918 году тиф, по ряду причин, очень быстро распространялся в Ярославле. Во-первых, располагающийся на Волге город принимал огромное количество беженцев, пленных и больных воинов, и инфекционные болезни служили своеобразным «транзитным товаром». Уже к

1 августа 1918 года беженцев, выселенцев и эвакуированных в Ярославле насчитывалось 10642 человека [2. Л. 4]. Во-вторых, как отмечали врачи, «формы промышленной эксплуатации носили, как и везде в центральной России, дикий азиатский характер», то есть не было налажено рациональное использование и удаление производственных отходов, вследствие чего происходило непрерывное загрязнение вод и почвы [1. Л. 14]. В-третьих, город, после разрушений лета 1918 года лишенный общественных бань, прачечных, с устаревшей и практически не функционирующей канализацией, оказался беспомощен перед вшами – главными переносчиками инфекции. Без средств дезинфекции победить их было крайне сложно. Людей прибывало все больше: к 1919 году окраины Ярославля были переполнены беженцами. Между тем, треть жилищного фонда города была уничтожена. Скудность людей из-за недостатка площадей также можно считать катализатором заразных заболеваний.

Первый крупный очаг «сыпняка» возник в здании Сиротского дома на Екатерининской улице. В конце июля 1918 года сюда переселили погорельцев из Семеновской гимназии (здания на Семеновской площади тоже сильно пострадали). В августе – сентябре люди постепенно перебирались в другие районы города, и к осени в доме осталось около 200 человек. Размещение их было сравнительно свободным, так как здание довольно большое. Большинство размещалось на койках, свободно расставленных в комнатах. Однако довольствие жильцам, разумеется, не было предусмотрено, поэтому днем люди рассеивались по городу в поисках работы, а вечером сходились.

Погорельцы жили на верхнем этаже здания. 30 августа 1918 г. гражданку Проневскую, проживавшую на первом этаже, отправили в больницу с диагнозом брюшного тифа. (Брюшной тиф передается в основном бытовым путем: через воду, пищу и грязные руки, поэтому наибольшее значение имела дезинфекция личных вещей больного.) Через две недели врачи изменили диагноз: это был *сыпной* тиф, что напрямую указывало на возможность заражения всего семейства вышеуказанной гражданки. К тому моменту родственники Проневской были переселены на верхние этажи, к другим погорельцам, инфицирование которых уже началось. Здесь «сыпняк» разбушевался уже к середине сентября.

12 октября погорельцев приказали выселить из сиротского дома, однако, учитывая скорое наступление холодов, им разрешили остаться. К комнатам верхнего этажа приставили караул, заперев таким образом людей снаружи (что напоминает средневековый метод карантина во время чумы, когда заболевшие семьи «заколачивались» в домах). Несмотря на охрану, несколько погорельцев тайком выбрались из убежища: голод заставлял людей искать работу. Несколько семей, признанных здоровыми, переселили в большую квартиру на улице Варваринской (д. 7. № 2). Через несколько дней тиф появился и там [1. Л. 15].

Другим очагом заболевания стала Коровницкая тюрьма. «Тюремно-больничное дело поставлено весьма плохо: нет ванны, не хватает белья, служительский персонал состоит из тюремных сидельцев» [1. Л. 15], – отмечали врачи. К середине декабря в тюрьме было выявлено 34 больных сыпным тифом, причем болели и семьи надзирателей. Санитарно-эпидемический отдел принял ряд мер для «полной изоляции тюрьмы». Во-первых, временно прекратили принимать в тюрьму новых заключенных и отпускать на волю отсидевших. Заключенных редко выпускали на общие работы. Во-вторых, решено было закрыть главный корпус до производства ремонта и полной побелки. Заключенных разместили в одиночные камеры – но по двое, предоставив возможность свободно выбирать себе компаньона. Г. И. Лифшиц настоял на проведении дезинфекции среди заключенных, на увеличении количества выдаваемого мыла, на некотором улучшении их питания [1. Л. 11].

Третьим очагом тифа стало психиатрическое отделение Советской Губернской лечебницы. Часть заключенных из Коровницкой тюрьмы была переведена туда, и, вероятно, именно таким

образом «сыпняк» перебрался в больницу. Дезинфекцию, однако, провести было крайне сложно: дезинфекционных камер при больницах не было.

«Если из общего количества исключить два крупных очага – тюрьму и психиатрическое отделение, то оставшееся количество сыпного тифа, разбросанного по городу, отнюдь не велико. И тем не менее, необходимо бить в набат», – писал заведующий городским санитарно-эпидемическим подотделом врач Г. И. Лифшиц [1. Л. 15]. Если сравнивать численность больных с численностью в 1918 году, то с Г. И. Лифшицем можно согласиться, хотя абсолютный показатель был, конечно, чрезвычайно высок: к началу 1919 года в Ярославле зафиксировали 191 разную квартиру. В некоторых квартирах проводилась дезинфекция серой, формалином и карболовой кислотой, но этих средств было крайне мало [1. Л. 1]. «Болели во всех частях города, в центре и на окраинах, болели люди всех профессий и состояний, элемент местный и приезжий» [1. Л. 14 об], – заявляли врачи в медицинских отчетах.

1919 год – это настоящий расцвет «сыпняка» в Ярославле. В больницу, переживавшую, мягко говоря, не лучшие времена (холодные помещения, жалкое довольствие, обнищавший персонал), выстраивались огромные очереди. Попасть на прием могли далеко не все, но даже те цифры, которые отражают обследованных пациентов, впечатляют: в январе зафиксировано 289 больных сыпным тифом, в феврале – 433, в марте – 494, в апреле – 389, в мае – 446, в июне – 255. Всего за полугодие официально зафиксировано 2315 больных. Их них на стационарное лечение поступило 1900 человек. Заразных заболеваний было так много, что в середине 1919 года незаразные больные были выведены с больничной территории и разместились в здании приюта «Освобожденная Россия» [1. Л. 42]. За первые полгода от сыпного тифа умерло 144 человека. К лету 1919 года, по сведениям Г. И. Лифшица, ситуация не улучшилась: санитарно-эпидемическое состояние Ярославля было все так же опасно. Не решена была жилищная проблема, проблема ассенизации (правда, работал ассенизационный обоз из 20 лошадей, которым удавалось вывозить около 800 ведер с территории, но лошади были истощены, и потому обслуживали в основном лазареты и военные учреждения). Г. И. Лифшиц обращал внимание на необходимость создания дополнительных бань и прачечных (впрочем, несколько бань в городе

все же функционировало, что было значительным шагом вперед по сравнению с 1918 годом, когда бани фактически не работали).

Врачи и служащие больницы находились непрерывно под страхом заражения. В августе им угрожала холера, затем «испанка» и другие различные заболевания. Медицинские работники просили о переводе в первую категорию по продовольствию [5. Л. 114], но безуспешно. Во многих городах смертность врачей и обслуживающего персонала была чрезвычайно высокой: в Московской губернии, например, только смертность от тифа достигала 12 % [5. Л. 3]. «Город Ярославль, – говорится в докладе о санитарном состоянии губернии осенью 1919 года, – сверх всякой меры переполнен заразно больными красноармейцами; медицинский и обслуживающий персонал болеет и гибнет от эпидемии несравненно больше, чем в прошлом году. Заболеваемость свыше 50 % и необычно высокая смертность. Первые две недели декабря сего года в одном Ярославле от сыпного тифа умерло 4 врача. Заболеваемость обслуживающего персонала доходит до 80 %» [5. Л. 10].

Персонал больницы был очень подвержен тифу: за шесть месяцев из 170 человек «сыпняком» переболел 101 [1. Л. 57]. По имеющимся сведениям, с ноября 1918 года по май 1919 оспой и сыпным тифом заболело 12 врачей Ярославля; в Ростове – 33 сиделки, пять из них умерло; в Рыбинске 23 сиделки. Всего в Ярославле и его уезде заболело 26 врачей (5 умерло), 31 фельдшер (5 умерло), 18 сестер, 6 акушерок, 99 сиделок и больничная прислуга. Тяжелыми формами переболело 150 человек медицинского персонала, 17 медицинских сотрудников умерло [3. Л. 1]. Несколько позже знаменитый врач Н. В. Соловьев заразился сыпным тифом; он умер в 1922 году.

Врачи были ограничены в средствах и в финансах. Уже в феврале 1919 г. отмечалось, что для изоляции заразных больных не хватает помещений. «На 40 штатных заразных коек имеется 160–170 больных, из них около 120 сыпнотифозных, причем пришлось закрыть детское отделение, занять ряд добавочных помещений. Больные лежат на полу и в коридорах, белья нет, больные поступают с собственным бельем». В Москву регулярно предоставлялись сметы на 40 и 60 добавочных «заразных» коек, но ассигнований Москва не присылала. «В последние дни заразное отделение вынуждено нередко отказывать в приеме сыпнотифозным: вновь заболевшие ос-

таются на квартирах, заражая окружающих» [1. Л. 3].

По официальным сведениям, динамика **смертности** за 1919 год выглядит следующим образом.

Возраст больных	Число умерших	
	мужчин	женщин
До года	314	290
1–5 лет	250	250
5–15 лет	163	135
15–30 лет	460	233
30–40 лет	300	178
40–50 лет	364	207
50–60 лет	338	228
60–70 лет	228	285
70 и более лет	344	165

Всего умерших в 1919 году – 2 746 мужчин и 2 182 женщины, или 4 928 человек, это весьма значительный процент населения Ярославля [4. Л. 12]. Из них от заразных заболеваний скончалось 2 255 человек. Наибольшее количество умерших отмечается в ноябре и декабре 1919 года 619 и 795 человек соответственно. Есть основания полагать, что жертв эпидемии «сыпняка» было больше. Врачи неоднократно писали о том, что они не в состоянии обеспечить стационар для всех больных и даже обследовать многих, кто приходил с подозрением на сыпной тиф. Кроме того, в рассматриваемый период не всегда можно было определить, тиф ли явился причиной смерти. Проблема была не столько в нехватке медицинских сотрудников для эксгумации (все силы были отданы лечению больных), но и в том, что при вскрытии диагноз можно было поставить весьма предположительно, лишь при тщательном анализе кожных покровов, мозгового вещества и селезенки: такова особенность болезни. Таким образом, приведенная таблица весьма условна: жертв «сыпняка» было больше.

Как видим, сыпной тиф стал постоянным спутником Ярославля в 1919 году, и, обращаясь к истории центральных регионов, можно отметить, что он также был характерной чертой первых советских лет, с их голодом, разрухой и войной. Как сообщает исследователь А. А. Ильюхов, от острых инфекционных заболеваний в 1918 году в стране умерло 115,8 тыс., в 1919 – 910,2 тыс., в 1920 г. – 1 090,9 тыс. чел [6. С. 179]. «Сыпняк» в 1919 году унес жизни 764 тыс чел. Всего, по официальным сведениям, им переболело 2 100 000 чел.

Примечательно, что разгул эпидемии достаточно редко вызывал панику: люди начинали привыкать. Для противников советского режима он стал еще одной чертой разрухи, «Божьей карой»: «Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста!», – говорил И. Бунин [7. Л. 2]. Для обычных людей он постепенно становился лишь одной из многочисленных трудностей, наравне с голодом, холодом и другими проблемами повседневности.

Безусловно, борьба с эпидемиями в нашей стране оставалась в числе первоочередных государственных задач. В 1919 г., выступая на VII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин выделил три ключевые проблемы того времени: война, голод, эпидемии. Его знаменитые слова: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» [8. С. 410] не были преувеличением, но, к сожалению, крайне редко подкреплялись реальной помощью больницам. Среди декретов, изданных в период разгула эпидемий, немало было посвящено санитарному делу: о мероприятиях по борьбе с сыпным тифом (28 января 1919 г.), о мерах борьбы с эпидемиями (10 апреля 1919 г.), об обязательном оспопрививании (10 апреля 1919 г.), о снабжении бактериологических институтов и лабораторий необходимыми для их работы материалами и инвентарем (10 апреля 1919 г.), о санитарной охране жилищ (18 июня

1919 г.), об обеспечении Красной армии и гражданского населения мылом (30 декабря 1919 г.), о санитарно-пропускных пунктах на вокзалах г. Москвы (13 мая 1920 г.), об обеспечении населения Республики банями (30 сентября 1920 г.) и т. д.

В действительности, если проанализировать ситуацию в Ярославле, можно сделать вывод, что врачи были совершенно беспомощны, лишены всякой материальной поддержки «центра», и если им удалось несколько уменьшить количество умерших во время эпидемии, то лишь за счет энтузиазма и профессионализма, а часто, как говорилось выше, и ценой собственной жизни.

Библиографический список

1. ГАЯО [Текст]. – Ф. Р.-3456. – Д. 32.
2. ГАЯО [Текст]. – Ф. Р.-3456. – Д. 35.
3. ГАЯО [Текст]. – Ф. Р.-3456. – Д. 54.
4. ГАЯО [Текст]. – Ф. Р.-3456. – Д. 55.
5. ГАЯО [Текст]. – Ф. Р.-3456. – Д. 22.
6. Ильюхов, А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) [Текст] / А. А. Ильюхов. – М.: РОССПЭН, 2007.
7. Бунин, И. Миссия Русской эмиграции [Текст] : речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года / И. Бунин // Бунин, И. И. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 8. – М. : Воскресенье, 2006.
8. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 39.